

УГОЛОВНО НАКАЗУЕМАЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ РЕГИСТРАЦИОННОГО УЧЁТА ОРГАНИЗАЦИЙ И УЧЁТА ПРАВ НА ЦЕННЫЕ БУМАГИ

Корпусов Андрей Валентинович

аспирант кафедры уголовного права и
криминологии,
Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова,
Ярославль, Россия
E-mail: avkrosrf@mail.ru

Предмет исследования: отдельные нормы отечественного уголовного законодательства об ответственности за фальсификацию учётных сведений, а также научные взгляды в области сущности и признаков преступления, создающего опасность искажения некоторых реестровых записей.

Цель исследования: выработка рекомендаций и предложений по совершенствованию некоторых уголовно-правовых норм в вопросах ответственности за фальсификацию сведений Единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учёта.

Методы исследования: исследование фальсификации сведений Единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учёта как общественно опасного деяния проведено с опорой на диалектический, системно-структурный, индукции, дедукции, анализа и сравнительно-правовой методы научного познания.

Объект исследования: законодательная модель установления уголовной ответственности за отдельное общественно опасное посягательство на достоверность учёта юридических лиц и прав на именные ценные бумаги.

Основные результаты исследования: установлено, что представление документов с заведомо ложными данными фальсификацией в общепризнанном смысле данного термина не является ввиду отсутствия в деянии собственно искажения реестровых записей. По существу, в ч. 1 ст. 170.1 уголовного закона предусмотрен состав создания опасности упомянутой фальсификации, не нашедший отражения в заголовке ст. 170.1 УК РФ. Определено, что под фальсифицируемыми реестровыми сведениями понимается информация, идентифицирующая реквизиты (атрибуты) Единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учёта. Сделан вывод о нецелесообразности указания в действующей редакции отмененной уголовно-правовой нормы признаков целевой направленности преступления. На основе полученных результатов предложены соответствующие изменения и дополнения в отдельные положения ст. 170.1 УК РФ.

Ключевые слова: фальсификация, искажение, представление ложных сведений, регистрационный учёт организаций, учёт прав на ценные бумаги.

CRIMINAL FALSIFICATION OF REGISTRATION RECORDS OF ORGANIZATIONS AND RECORDS OF RIGHTS TO SECURITIES

Andrey V. Korpusev

Postgraduate student,
Department of Criminal Law and Criminology,
P. G. Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl, Russia
E-mail: avkrosrf@mail.ru

Subject of research: certain norms of domestic criminal legislation on liability for falsification of accounting information, as well as scientific views in the field of the essence and signs of the crime that creates the danger of distortion of some registry records.

Purpose of research: development of recommendations and proposals to improve some criminal-legal norms in the issues of responsibility for falsification of information of the Unified State Register of Legal Entities, register of securities owners or depository accounting system.

Research methods: the study of falsification of information of the Unified State Register of Legal Entities, the register of securities owners or depository accounting system as a socially dangerous act is carried out with reliance on dialectical, system-structural, induction, deduction, analysis and comparative-legal methods of scientific knowledge.

Object of research: the legislative model of establishing criminal liability for a separate socially dangerous encroachment on the reliability of accounting of legal entities and rights to registered securities.

Research findings: it was established that the submission of documents with knowingly false data is not falsification in the generally recognized sense of the term due to the absence of the actual distortion of registry records in the act. In fact, part 1 of article 170.1 of the criminal law reflects the composition of creation of danger of falsification, which is not mentioned in the name of article 170.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is defined that under falsifiable register information is understood the information identifying the relevant requisite (attribute) of the Unified State Register of Legal Entities, the register of securities owners or the depository accounting system. It is concluded that it is inexpedient to specify in the current wording of the noted criminal-legal norm the signs of target orientation of the crime. On the basis of the obtained results the corresponding amendments and additions to certain provisions of Article 170.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are proposed.

Keywords: falsification, distortion, presentation of false information, registration of organizations, accounting of rights to securities.

ВВЕДЕНИЕ

Сведения Единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг и системы депозитарного учёта (далее также совместно или раздельно – ЕГРЮЛ, реестр, система) обладают повышенной значимостью, что связано с

государственной регистрацией всех организаций в стране, а также с учётом прав на именные ценные бумаги. Этим и продиктована необходимость их уголовно-правовой охраны, в частности от фальсификации в форме представления заведомо ложных данных в орган, уполномоченный на ведение ЕГРЮЛ,

или в организацию, осуществляющую учёт прав на ценные бумаги в реестре или системе. Соответствующие уголовно-правовые предписания об ответственности за данное преступление содержатся в ч. 1 ст. 170.1 УК РФ, обеспечивающей достоверность учётных записей ЕГРЮЛ, реестра и системы.

К сожалению, за весьма редким и во многом фрагментарным исключением вышеупомянутое посягательство самостоятельному институциональному изучению фактически не подвергалось. Так, в теоретических источниках должным образом не освещается проблематика несоответствия формы и содержания данного преступления. Не входил в поле зрения теоретиков и вопрос о том, что понимается под казуистично перечисленными в диспозиции отмеченной нормы учётными реестровыми сведениями, фальсификация которых уголовно наказуема. Наконец, помимо предлагаемой в юридической литературе корректировки целей упомянутой фальсификации, обоснованность нормативного содержания этих целей в целом как конструктивного признака состава преступления исследователями практически не оценивалась.

Изложенное свидетельствует о наличии пробела в научных представлениях о реестровой фальсификации в указанной форме (ч. 1 ст. 170.1 УК РФ) и, следовательно, о необходимости её дополнительного изучения для формулирования рекомендаций и предложений, которые, с одной стороны, могут быть учтены законодателем при совершенствовании уголовного закона, а с другой – будут небезынтересны при проведении дальнейших исследований.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Вряд ли подлежит сомнению утверждение, что государство и общество заинтересованы в том, чтобы ЕГРЮЛ, реестр или система отражали только действительное положение учитываемых ими фактов и обстоятельств. Дело в том, что сведения регистрационного учёта юридических лиц, аккумулируемые в ЕГРЮЛ, равно как и данные об учёте прав на именные ценные бумаги, отражаемые в реестре или системе, служат главным образом целям легитимации организаций, установления принадлежности и объёма именных ценных бумаг, долей участия в уставном капитале хозяйственных обществ конкретному их владельцу, фиксации обременений названных долей и ценных бумаг, определения надлежащего руководителя любого юридического лица и проч. Именно поэтому повышенная общественная опасность совершения

противоправных действий, ведущих к утрате данными реестрами и системой своей достоверности (объектом преступления), и предопределила введение в отечественное уголовное законодательство норм об ответственности за их фальсификацию (ст. 170.1 УК РФ).

Не касаясь предыстории и контекста появления в уголовном праве ст. 170.1 УК РФ и, следовательно, проблематики рейдерства, ибо это выходит за пределы темы настоящей статьи, в уголовно-правовой литературе обоснованно отмечается, что большой проблемой для государства с рыночной экономикой является представление в официальные органы и учреждения недостоверных сведений [9, с. 473]. Думается, что на предупреждение сказанного в полной мере ориентированы уголовно-правовые запреты фальсификации ЕГРЮЛ, реестра и системы и, в особенности, предусматривающие наказуемость представления в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (ФНС России), или в организацию, осуществляющую учёт прав на ценные бумаги (регистратор, депозитарий), документов, содержащих заведомо ложные данные (ч. 1 ст. 170.1 УК РФ).

В то же время не может не вызывать нареканий имеющая место рассогласованность наименования ст. 170.1 УК РФ («Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учёта») с отражённым в её ч. 1 преступлением, будучи по замыслу законодателя формой фальсификации реестрового учёта. В частности, в русском языке фальсификация означает «искажение, подмену, подделку» [12, с. 549–550]. В теории уголовного права искомому понятию придаётся в целом аналогичный смысл [8, с. 186; 15, с. 5]. Причём применительно к реестрам считается, что их фальсификация зачастую реализуется посредством внесения ложных сведений [6, с. 68], в результате чего и происходит искажение учётных записей. Подделка и подмена в том же русле предполагают противоправное изменение содержания последних.

Однако возражение вызывает то, что собственно от представления документов с ложными сведениями искажение ЕГРЮЛ, реестра или системы не происходит и может вовсе не произойти при отказе во внесении представленных сведений. Само по себе представление документов с ложными сведениями не обладает тем деструктивным свойством (приматом), посредством которого реестровые записи непременно утрачивают

полностью или частично присущий им достоверный характер учёта. Поэтому представляется, что отраженное в ч. 1 ст. 170.1 УК РФ деяние ещё не фальсификация. Отсюда в целом нельзя не согласиться с позицией учёных, считающих представление недостоверных сведений подготовительной стадией означенного преступления [2, с. 52].

В то же время возможность причинения вреда объекту уголовно-правовой защиты в теории уголовного права признаётся поставлением в опасность [3, с. 199–202]. Представив документы с ложными сведениями, виновный тем самым создаёт только условия для искажения реестровых записей, если таковые ранее были уже отражены и имеются в реестрах и системе, либо для первоначально их внесения в последние в недостоверном виде. Если это так, то в ч. 1 ст. 170.1 УК РФ, по существу, отражен состав создания опасности искажения учётных записей, что диссонирует с наименованием содержащей его статьи. Последняя уже содержимого. В этом и усматривается проблема несоответствия формы и содержания данного преступления, требующая решения.

В системе юридической техники законодательно-текстологический подход, занимающий важное место при построении структурно-смысловых заголовков уголовного закона в виде обозначения в том числе наименований его статей, оказывает ориентирующее значение для поиска регламентируемой нормы, чем способствует адекватному восприятию с оптимальной ясностью и полнотой уголовно-правовых предписаний, содержащихся под общим названием [11, с. 212–214]. Полагаем, что наименование ст. 170.1 УК РФ указанному требованию не отвечает, что позволяет предложить следующую его корректную формулировку с включением состояния опасности искажения реестровой информации, отраженного в ч. 1 данной статьи: «Статья 170.1 Фальсификация или создание опасности фальсификации Единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учёта». Не будучи избыточным, достоинством предложенного является адекватное отражение характера уголовно наказуемого посягательства, запрещённого в ч. 1 ст. 170.1 УК РФ, в заголовке данной статьи.

В доктрине уголовного права отмечается, что исследуемое преступление с позиции объективной стороны совершается путём подачи, предъявления в регистрирующий и ведущий ЕГРЮЛ орган или в учётную организацию документов, содержащих заведомо ложные данные, независимо от способа

выполнения упомянутых действий (документы могут быть поданы в электронном виде, на бумажном носителе и проч.) [14, с. 58]. При этом для квалификации содеянного в качестве окончченного преступления документы должны достигнуть своего адресата, быть вручены ему [1, с. 167–168].

Вместе с тем для наказуемости по ч. 1 ст. 170.1 УК РФ чрезвычайно важное юридическое значение имеет характер представляемых ложных сведений, конкретный перечень которых (применительно к первой группе целей преступления, о них (целях) – ниже) изложен в весьма казуистичном виде. Вот он: «об учредителях (участниках) юридического лица, о размерах и номинальной стоимости долей их участия в уставном капитале хозяйственного общества, о зарегистрированных владельцах именных ценных бумаг, количестве, номинальной стоимости и категории последних, об обременении доли или ценной бумаги, о лице, осуществляющем управление такими долями и ценными бумагами, переходящими в порядке наследования, о руководителе постоянно действующего исполнительного органа юридического лица или об ином лице, имеющем право без доверенности действовать от имени организации».

В то же время нужно констатировать, что вопрос о том, что считать (скрывается под) упомянутыми сведениями, фальсификация которых запрещена под угрозой наказания, в литературе уголовно-правового цикла фактически не обсуждается, оставляя, видимо, без должного понимания то, что именно ставится под угрозу реестрового искажения при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 170.1 УК РФ. Как представляется, под отмеченными сведениями следует понимать информацию, за счёт которой происходит однозначная идентификация каждого перечисленного в диспозиции данной уголовно-правовой нормы реквизита (атрибута) ЕГРЮЛ, реестра или системы.

Сведения об учредителях (участниках) юридического лица определяются формой соответствующего заявления, утверждённой Приказом ФНС России от 31.08.2020 № ЕД-7-14/617@ «Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств» (официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 16.09.2020). Заявление представляется в регистрирующий орган для включения сведений в ЕГРЮЛ. В частности, для учредителя

(участника) – юридического лица такими сведениями являются основной государственный регистрационный номер (ОГРН), идентификационный номер налогоплательщика (ИНН), наименование организации и др.; для учредителя (участника) – физического лица – фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, гражданство и т. д.

Зарегистрированный владелец именных ценных бумаг в реестре их владельцев в силу п. 2.1, 2.2, 2.5 и др. Положения Банка России от 29.06.2022 № 799-П «Об открытии и ведении держателем реестра владельцев ценных бумаг лицевого счета и счетов, не предназначенных для учета прав на ценные бумаги» или в системе депозитарного учёта согласно п. 1.8, 4.2 и др. Положения Банка России от 13.11.2015 № 503-П «О порядке открытия и ведения депозитариями счетов депо и иных счетов» идентифицируется посредством анкетных данных. Таковыми для физического лица признаются: фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, адрес регистрации и проч.; для юридического лица – наименование, ОГРН, ИНН, фамилия, имя, отчество руководителя и др.

Количество, номинальная стоимость и категория именных ценных бумаг, а также размер и номинальная стоимость долей участия в уставном капитале хозяйственного общества его учредителей (участников) определяются, чем и идентифицируются в ЕГРЮЛ, реестре и системе, указанием на конкретный объём (размер, количество), денежное выражение (номинальная стоимость), а также тип/вид (обыкновенные, привилегированные и проч.) ценных бумаг.

Однако согласно букве уголовного закона (ч. 1 ст. 170.1) такой реквизит (атрибут) ЕГРЮЛ, как «размер и номинальная стоимость долей их участия в уставном капитале хозяйственного общества», относится, очевидно, только к участникам (учредителям) последнего, на что недвусмысленно указывает личное местоимение «их», отсылающее к предыдущему по перечню признаку преступления. Между тем в ряде случаев хозяйственное общество, не будучи участником (учредителем) самого себя (ибо это невозможно), может быть владельцем долей в своём же уставном капитале (например, при выходе участника из общества с ограниченной ответственностью и переходе его доли в связи с этим к обществу в силу п. 2 ст. 94 ГК РФ, что подлежит отражению в ЕГРЮЛ и, видимо, также может быть сфальсифицировано).

Поскольку нормы ч. 1 ст. 170.1 УК РФ сказанного не учитывают, устранение отмеченной погрешности видится в коррекции

рассматриваемого признака путём исключения из него местоимения «их». Примечательно, что по сравнению с именными ценными бумагами, которые также в ряде случаев могут принадлежать эмитенту и учитываться за ним согласно предписаниям ст. 72, 72.1, 75 и т. д. Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», означенного недостатка в сопоставимом признаке преступления не допущено, принимая во внимание, что сведения «о количестве, номинальной стоимости и категории именных ценных бумаг» касаются всех без исключения зарегистрированных в реестре владельцев ценных бумаг, в системе депозитарного учёта лиц, включая и самого эмитента.

Обременение именных ценных бумаг или доли участия в уставном капитале хозяйственного общества идентифицируется в записях ЕГРЮЛ, реестра или системы посредством соответствующих данных об обязательстве, отягощающем право собственности владельца таких ценных бумаг или доли участия, а также о лице, в пользу которого установлено соответствующее обременение. Иными словами, данный признак не ограничивается только возникновением или погашением обременения и подлежит в своём содержании расширительному толкованию. К примеру, в ЕГРЮЛ об обременении залогом доли участия в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью включаются сведения о договоре залога (номер и дата), о залогодержателе – юридическом лице (ОГРН, ИНН, наименование и др.), о залогодержателе – физическом лице (фамилия, имя, отчество, пол, гражданство, дата и место рождения и т. д.), о размере доли, переданной в залог, и проч. В реестре владельцев именных ценных бумаг или в системе депозитарного учёта записи об обременении именных ценных бумаг залогом содержат сведения, позволяющие идентифицировать сами ценные бумаги, их количество, переданное в залог, содержание и условия конкретного залогового обременения, а также залогодержателя.

Учитывая особую значимость фигуры руководителя организации (в УК РФ данный признак изложен громоздко: «о руководителе постоянно действующего исполнительного органа юридического лица или об ином лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица», что, думается, может быть сокращено без потери качества до более лаконичной формулировки в профильном нормативном акте – «о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица»), на уровне Федерального закона от 08.08.2001

№ 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» предусмотрен исчерпывающий перечень идентифицирующих упомянутое лицо сведений, подлежащих отражению в записях ЕГРЮЛ; в отношении физического лица таковыми являются фамилия, имя, отчество, индивидуальный номер налогоплательщика, должность, паспортные данные, место жительства; для юридического лица – наименование, ОГРН, ИНН (п. «л» ч. 1 ст. 5).

Для доверительного управляющего (лица, осуществляющего управление ценной бумагой или долей, переходящих в порядке наследования до момента завершения наследственного правопреемства) идентифицирующие его сведения в записях ЕГРЮЛ, реестра или системы аналогичны вышеприведённым. Причём, как и с признаком обременения, признак «о лице, осуществляющем управление ценной бумагой или долей, переходящих в порядке наследования», т. е. о доверительном управляющем, следует трактовать расширительно, поскольку при представлении, к примеру, ложных сведений о погашении записей о доверительном управлении затрагиваются сведения и о нём самом: указанное лицо перестаёт значиться в соответствующих реестрах.

Предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 170.1 УК РФ, как правило, выступают заявления о внесении в реестры сведений по установленной форме, решения и протоколы собраний участников (учредителей), иных органов управления организации (например, о смене руководителя юридического лица, о его избрании, переизбрании), договоры (например, об учреждении юридического лица, об изменении состава участников хозяйственного общества или о внесении участником дополнительного вклада в уставный капитал последнего), анкеты зарегистрированных в реестре владельцев ценных бумаг лиц (в системе депозитарного учёта – анкеты депонентов), распоряжения (поручения) о проведении операций с ценными бумагами по лицевым счетам (счетам депо), в т. ч. залоговые распоряжения об обременении, изменении, погашении обременения ценных бумаг и проч. На искажение идентифицирующих объект реестрового учёта сведений и направлена фальсификация в форме представления означенных документов с заведомо ложными данными (ч. 1 ст. 170.1 УК РФ).

Рассмотренный перечень фальсифицируемых учётных сведений, с одной стороны, может показаться слишком громоздким, избыточным и усложняющим применение уголовно-правовой нормы на практике.

С другой стороны, объём вносимых в реестры сведений несопоставимо больше того, что отражено в ч. 1 ст. 170.1 УК РФ (см., например, ст. 5 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» о составе включаемых в ЕГРЮЛ данных). И в этом смысле фальсификация не любых сведений представляет, по нашему мнению, ту степень общественной опасности, которая характерна для преступления. Отсюда нельзя не поддерживать законодателя, установившего наказуемость фальсификации лишь наиболее значимых реестровых данных, исключая по этому же признаку (кругу сведений) конкуренцию с ч. 5 ст. 14.25 КоАП РФ, где предусмотрена применительно к сведениям ЕГРЮЛ административная ответственность за представление в ФНС России документов, содержащих заведомо ложные сведения, если такое деяние не является преступлением.

С позиции субъективной стороны формальная конструкция состава ч. 1 ст. 170.1 УК РФ, а также признаки заведомости и целевой направленности посяательства указывают на прямой умысел при совершении фальсификации реестровых записей. Данный подход в теории является общепризнанным. Однако поднимаемые в юридической литературе вопросы о целях рассматриваемого преступления указывают вместе с тем на нарушение законодателем правил юридической техники и необходимость в связи с этим корректировки целей посяательства, неточность нормативного содержания которых может вызывать затруднения в их интерпретации и установлении на практике.

В частности, учёными предлагается считать предусмотренные в составе ч. 1 ст. 170.1 УК РФ цели фальсификации альтернативными относительно друг друга, а не совокупными для их вменения виновному [16, с. 16–18]; с уточнением и разбивкой целей внесения в реестры ложных сведений и целей приобретения права на чужое имущество на отдельные самостоятельные составы преступления [10, с. 116–117]; с заменой всех отраженных в действующей редакции нормы целей деяния на единую цель «захвата управления в организации» [4, с. 59–60].

Не вступая в дискуссию на тему корректировки и уточнения целей фальсификации, согласимся с двоякой (альтернативной) целевой направленностью преступления (ч. 1 ст. 170.1 УК РФ), а именно: первая группа целей данного уголовно наказуемого деяния не связана с иными его целями и предопределена только внесением в ЕГРЮЛ, реестр или систему выше рассмотренных заведомо

недостовверных идентифицирующих сведений. Вторая же группа целей преступления ориентирована лишь на приобретение права на чужое имущество, при этом перечень представляемых фиктивных сведений в нормах уголовного закона не регламентирован.

Вместе с тем целевой признак фальсификации, по нашим представлениям, дисфункционален. В уголовном праве целью преступления считается то, к чему стремится субъект, совершая последнее [7, с. 11]. Применительно к первой группе целей фальсификации не вызывает сомнений, что фиктивная информация представляется виновным в ФНС России, регистратору или депозитарию не для отчётности или архивного хранения, а только для её внесения в реестры, поскольку, как отмечалось, сопровождается заявлениями, решениями, протоколами, договорами – соответственно, о регистрации, о внесении изменений в учётные реестровые записи, об их погашении и проч. В противном случае наказуемость по ч. 1 ст. 170.1 УК РФ исключается. Поэтому в этой части не вполне верно введение в состав цели, когда таковая может быть только одна.

Положение дел со второй группой целей фальсификации обстоит заметно хуже. Так, в науке уголовного права небезосновательно указывается, что данному посягательству, не будучи преступлением против собственности (иначе его место в гл. 21 УК РФ), несвойственно приобретение права на чужое имущество [13, с. 46]. Но даже если и согласиться с законодателем, возникает следующая проблематика: а) какие документальные сведения (о чём?) должны представляться виновным для приобретения права на чужое имущество, учитывая довольно обширный и, пожалуй, исчерпывающий в первой группе целей перечень того, что можно противоправно приобрести через искажение реестровых записей, исключая, разумеется, пересечение признаков «приобретаемого» и «вносимого» применительно к разным целевым группам преступления; б) отсутствие в контексте целевого приобретения права на чужое имущество нормативного указания на искажающий реестры или систему догмат позволяет и вовсе под фальсификацию подвести совершенно не свойственные и чуждые ей уголовно наказуемые посягательства, например, некоторые налоговые, когда виновный, представляя в тот же орган (ФНС России) искажённые сведения в налоговой декларации или расчёте страховых взносов (ведь ни перечень сведений, ни набор представляемых фиктивных документов не установлены), уклоняется от их уплаты, а потому фактически присваивает

принадлежащие государству суммы налогов и сборов (ч. 1 ст. 198; ч. 1 ст. 199; ч. 1 ст. 199.3 УК РФ). Последнее (с примером) явно демонстрирует противоречие общепризнанному смыслу фальсификации как искажению, подмене или подделке чего-либо, без которых утрачивается сущность данного преступления.

Думается, что добиться решения отмеченных проблем возможно, если в ч. 1 ст. 170.1 УК РФ отказаться от составообразующих целеуказаний. Дело в том, что достоверность реестровых записей может быть нарушена безотносительно каких бы то ни было целеполаганий виновного. Общественная опасность фальсификации учётных реестровых данных определяется не столько целевым характером деяния, сколько возможной утратой их достоверности в границах рассмотренных выше важнейших реквизитов (атрибутов) ЕГРЮЛ, реестра и системы при любом умышленном представлении в надлежащем порядке документированных заведомо ложных сведений, подлежащих занесению в такие реестры. Следовательно, после предлагаемой в ч. 1 ст. 170.1 УК РФ целевой аннигиляции менее общественно опасным деянием фальсификация в форме представления заведомо ложных данных явно не станет.

В пользу исключения из упомянутого состава преступления целевых признаков субъективной стороны свидетельствует и зарубежный опыт правовой регламентации фальсификации. Так, в уголовном праве Канады (ст. 378 УК), КНР (ст. 158 УК), ФРГ (§ 271 УК), Швейцарии (ст. 153 УК), Эквадора (ст. 314 УК) и др. в подавляющем большинстве случаев признаки целевого искажения сведений реестра торговой регистрации (аналога ЕГРЮЛ), а равно реестра владельцев ценных бумаг не устанавливаются [5, с. 560–566].

Наконец, отказаться от целей преступления следует ещё и потому, что крайне сомнительной представляется использованная законодателем в ч. 1 ст. 170.1 УК РФ конструкция уголовно наказуемой фальсификации, в которой объективный признак преступления (круг, набор, перечень фальсифицируемых реестровых учётных данных) фактически определяется за счёт вторжения и под воздействием субъективного его признака – целей посягательства: «в целях внесения...; в иных целях, направленных...», что свидетельствует о несовершенстве юридической техники при построении уголовно-правовых предписаний за рассмотренное преступление.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

По результатам проведённого исследования сформулированы следующие выводы

и предложения относительно технико-юридического содержания отдельных положений ч. 1 ст. 170.1 УК РФ об ответственности за фальсификацию Единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учёта в форме представления документальных заведомо недостоверных сведений:

1. Формулировка признака «о размерах и номинальной стоимости долей их участия в уставном капитале хозяйственного общества» нуждается в уточнении путём исключения из неё личного местоимения «их». Признак «о руководителе постоянно действующего исполнительного органа юридического лица или об ином лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица» ввиду явной громоздкости следует изложить в более лаконичном виде: «о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица». Признаки же «об обременении ценной бумаги или доли», «о лице, осуществляющем управление ценной бумагой или долей, переходящих в порядке наследования» подлежат в своём содержании расширительному истолкованию при применении уголовно-правовой нормы, т. к. ими поглощаются не только фиктивное установление или прекращение обременения, включение или изменение сведений о доверительном управляющем наследственными ценной бумагой или долей участия в уставном капитале, но и недостоверный учёт обстоятельств, соответственно, о договоре залога, о залогодержателе и о погашении записей о доверительном управлении, неминуемо затрагивающий сведения о самом доверительном управляющем.

2. Указание в диспозиции ч. 1 ст. 170.1 УК РФ целей преступления нецелесообразно, поскольку достоверность реестрового учёта в границах важнейших сведений, предусмотренных этим же составом, ставится в опасность и может пострадать независимо от каких бы то ни было целей совершения данного посягательства. Фактически же фиктивные сведения всегда представляются только для их внесения, а значит, для искажения записей ЕГРЮЛ, реестра и системы, в то время как цели приобретения права на чужое имущество и вовсе лишены логической связи как с реестрами, так и с их искажением, что не позволяет установить, в какой части обеспечивается достоверность учёта, и, как следствие, отнести содеянное к фальсификации.

3. Следуя законодательно-текстологическому правилу о соответствии формы и содержания правовых предписаний, указание на состав создания опасности искажения

учётных реестровых записей важно закрепить в заголовке ст. 170.1 УК РФ, в связи с чем предлагается новая редакция наименования упомянутой статьи уголовного закона и её положений ч. 1:

«Статья 170.1. Фальсификация или создание опасности фальсификации Единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учёта

1. Представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, или в организацию, осуществляющую учёт прав на ценные бумаги, документов, содержащих заведомо ложные сведения об учредителях (участниках) юридического лица, о размерах и номинальной стоимости долей участия в уставном капитале хозяйственного общества, о зарегистрированных владельцах именных ценных бумаг, о количестве, номинальной стоимости и категории именных ценных бумаг, об обременении ценной бумаги или доли, о лице, осуществляющем управление ценной бумагой или долей, переходящих в порядке наследования, о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица, – ».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горлов, А. С. Объективная сторона фальсификации единого государственного реестра юридических лиц (ст. 170.1 УК РФ) / А. С. Горлов // Общество и право. – 2011. – № 5. – С. 166–168.
2. Горлов, А. С. Особенности квалификации фальсификации единого государственного реестра юридических лиц (ст. 170.1 УК РФ) / А. С. Горлов // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2012. – № 2. – С. 49–52.
3. Иванчин, А. В. Конструирование состава преступления : теория и практика : монография / А. В. Иванчин. – Москва : Проспект, 2014. – 352 с. – ISBN 978-5-392-15511-8.
4. Исаев, О. Ю. Уголовно-правовая характеристика фальсификации единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учёта (ст. 170.1 УК РФ) / О. Ю. Исаев // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – № 3. – С. 55–63.
5. Корпусов, А. В. Наказуемость фальсификации государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг, системы депозитарного учёта в зарубежном уголовном праве / А. В. Корпусов // Демидовский юридический журнал. – 2023. – Т. 13, № 4. – С. 558–566.
6. Лапшин, В. Ф. Преступления против интересов инвесторов : монография / В. Ф. Лапшин. – Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2014. – 120 с. – ISBN 978-5-369-01314-4.

7. Ларина, Л. Ю. Цель преступления: уголовно-правовое значение и соотношение с мотивом / Л. Ю. Ларина // Вестник Югорского государственного университета. – 2024. – Т. 20, № 3. – С. 10–17.
8. Лопашенко, Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ) : монография: в 2 ч. / Н. А. Лопашенко. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – Ч. 2. – 448 с. – ISBN 978-5-4396-2304-4.
9. Наумов, А. В. Преступление и наказание в истории России : монография : в 2 ч. / А. В. Наумов. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – Ч. 2. 656 с. – ISBN 978-5-4396-0688-7.
10. Румянцев, М. С. Преступления против порядка корпоративного управления: техника конструирования составов и вопросы дифференциации ответственности : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / М. С. Румянцев. – Ярославль, 2018. – 213 с.
11. Ситникова, А. И. Уголовно-правовая текстология : монография / А. И. Ситникова. – Москва : Проспект, 2016. – 304 с. – ISBN 978-5-392-21136-4.
12. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык : Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4. – 797 с.
13. Смирнов, Г. К. Применение антирейдерских новелл уголовного закона / Г. К. Смирнов // Уголовное право. – 2011. – № 6. – С. 42–47.
14. Урда, М. Н. Преступления против общего порядка осуществления экономической деятельности : учебное пособие / М. Н. Урда. – Курск : Юго-Западный государственный университет, 2014. – 148 с. – ISBN 978-5-7681-0968-4.
15. Шаталов, А. С. Фальсификация, подделка, подлог : научно-популярное издание / А. С. Шаталов, А. Ваксян. – Москва : Лига Разум, 1999. – 158 с. – ISBN 5-89795-006-7.
16. Яни, П. С. Фальсификация Единого государственного реестра юридических лиц – имущественное преступление? / П. С. Яни // Законность. – 2012. – № 12. – С. 15–18.